

Т

о ли мир изменился, то ли сам он под грузом прожитых лет и накопившейся усталости стал другим, только случилась некая трансформация его души. Поначалу это происходило незаметно, как порой в летние и еще жаркие августовские дни исподтишка, потихоньку подкрадывается осень: за первым пожелтевшим листком — второй; затем еще и еще; не успел оглянуться, а уж и трава пожухла, и земля сквозь нее проглядывает, и воздух свежей, ядреней, и небесная синева пронзительней.

Девять лет уж как вышел на пенсию. Да только сидеть дома сложа руки, а если выразиться точнее, днями напролет лежать на диване с пультом в руках, как один из его приятелей, не хотелось. Подрабатывал электриком в родном ЖЭКе, какое-то время поработал охранником, затем сторожем в одной конторе. Теперь все: выработался, как говорится, — пора и на покой.

Когда окончательно оставил работу, дети, особенно первое время, все спрашивали, хватает ли ему денег на прожитие — пенсии-то наши какие, чай, не в Европе живем. Заботились.

Радовало то, что сын с семьей проживали недалеко — они с женой специально разменяли квартиру, чтобы быть поближе к детям. Думалось, будут теперь каждый день видаться — вот счастье-то!

Когда внучок был маленький и жили еще на старой квартире, они с супругой часто забирали его к себе на выходные. Сейчас внук уже большой, с дедом ему не интересно, и сколько старик не звал его в гости, внук чаще всего отнекивался. Ясное дело, с друзьями веселей — старик это понимал, и обижаться, по всей видимости, было глупо.

А ведь порассказать внуку было чего. Наверное, у всех, проживших долгую жизнь, рано или поздно является желание поделиться с подрастающим поколением какими-то памятными событиями — ну да ладно, пусть не «памятными», а просто когда-то сильно затронувшими душу. А говоря откровенно, просто хочется оставить детям и внукам хоть что-то в память о своей жизни, а не одну холодную мраморную плиту с фотографией — на кладбище. Тогда появляется надежда, что внуки хоть иногда будут вспоминать дедов с их рассказами о былых временах, о деяниях предков, как бы высокопарно это не звучало. Историки называют это преемственностью поколений. Все это будет согревать стариков, подпитывать их жизненные силы, делать самое бытие устойчивей, значимей, что ли. Во всяком случае, так хотелось бы им, дедам.

Только вот собственный дед внуку был не интересен. И когда старик бывал у них дома — а забегал чаще всего по какому-нибудь делу, — то внучок, уже когда прощались, поспешно чмокал дедушку в щеку, и было заметно — рад, что тот уже уходит.

Внук так ни разу и не заглянул к деду сам, просто проведать, хотя каждый день ходил мимо его дома в школу. Один раз нужное лекарство невестка передала, и пришлось тому срочно к деду тащиться (видели бы вы его кислое лицо!); в другой раз — бачок в туалете потек, прокладка не держала, так сын велел внуку купить новую и помочь деду установить, если понадобится. Внук помог, конечно же, да только изнылся весь, что его от важных дел оторвали.

Валентин Макарыч старался не принимать все это близко к сердцу: ну, занят парень — тренировки в спортшколе, уроки, да мало ли что еще. Наконец наступили летние каникулы, на которые Валентин возлагал тайные надежды по поводу того, что теперь-то уж сможет пообщаться с внуком вдоволь: насекретничают всласть, да и поучит — не без этого — парня уму-разуму, богатый жизненный опыт зазря не пропадет.

Да только молодежь сначала, взяв отпуска, уехала в Крым, к родственникам невестки, потом внук отдыхал в спортивном лагере.

Валентин Макарыч очень сожалел, что у них теперь нет дачи — в свое время пришлось продать, чтобы собрать деньги детям на квартиру. Вспоминал те времена с тихой радостью: тогда еще его Танюшка там всем управляла. По выходным собирались все вместе: он играл с маленьким внуком, а к вечеру по обыкновению ожидалось веселое застолье с шашлычком и добрым терпким вином из собственного винограда... Да что там говорить...

Кануло то время безвозвратно. Теперь не нужен стал дед, не-ну-жен. Невестка — та вроде бы и радовалась его приходу, привечала, а провожая, обычно совала ему в дорогу что-нибудь вкусненькое, да в последнее время стало казаться: тоже с тайным облегчением вздыхала, когда он уходил. К чести Макарыча заметим, что во время своих визитов он старался

не утомлять детей своим присутствием: не разводил длинную праздную болтовню, да и не задерживался подолгу, сославшись на неотложные дела. А уж какие там важные дела у одинокого пенсионера...

На телефонный звонок отца вечно занятой сын чаще всего торопливо цедил: «Бать, тебе чего?» После этого разговаривать уже не хотелось. А когда внучок однажды с порога встретил дедулю словами «Ты чего, дед, пришел?», захаживать в гости надолго расхотелось.

Никогда не думал раньше, что слова могут так ранить. Иногда задумывался, пытаюсь вспомнить, а всегда ли сам был достаточно внимателен к родителям? Не проявлял ли, будучи подростком, непочтение к старшим? Да, конечно, чего уж там — все бывало... Но чтобы совсем уж не понимать, не чувствовать сердцем, когда причиняешь боль близкому человеку — как это можно объяснить?!

Раз, не видевшись со своими целую неделю, так соскучился, что с трудом дотерпел до вечера и отправился в гости, полагая, что дети уже управились с текущими делами и отдыхают — был воскресный день. Захотелось посидеть с ребятками в блаженстве, новости послушать, чаю со сладостями, что не забыл прикупить по дороге, попить. Да и у самого за это время накопилось много чего интересного — будет, о чем порассказать.

Ага, посидели...

Сын с порога:

— Пап, проходить будешь? — И смотрит вопросительно, ждет... И ведь с надеждой, негодник, ждет, что, может, отец развернется и уйдет. А сам снова носом в свой «комп» — это они так компьютер называют — уткнется и будет до полночи сидеть. Зачем ему отец — интернет куда занятнее.

Макарыч пробормотал что-то про намеченные на вечер дела, вернул им завернутый в бумажный пакет разводной ключ, что внук в прошлый раз по забывчивости оставил у деда, наскоро попрощался и торопливо нырнул в лифт, кабинка которого, на удивление, по-прежнему терпеливо ожидала его на этаже. И лишь тогда дал волю эмоциям. А чтобы выстужившие слезы не растекались по щекам, усиленно заморгал глазами. И еще молил бога, чтобы в лифт на ходу никто не подсел.

По пути домой, в очередной раз обругав себя за излишнюю сентиментальность, снова пытался убедить себя, что на самом деле ничего страшного не произошло, пора б уж и привыкнуть: сейчас вся молодежь такая, шибко занятая — всякие там «гаджеты», «компы» и хрен знает что еще на уме. Вот раньше всего этого не было, и люди умели радоваться обществу друг друга: приятель ли пришел, сосед ли на огонек заглянул, а так, чтоб с порога у отца или матери испрашивать... От этих мыслей вновь сперло дыхание и комок подступил к горлу.

Из далекого детства он помнил, как у них в хате по вечерам почти всегда кто-нибудь обретался: к примеру, соседка забежит за какой-нибудь надобностью да непременно задержится «на минуточку», то бишь, пока все деревенские новости не перескажет да от хозяев про их житье-бытье не узнает. При этом его бабушка преспокойно продолжала хлопотать по хозяйству — убиралась, готовила, — и гостя ничуть не мешала ей своим неугомонным трещаньем. А уж когда в дом заглядывал кто-то из родичей, спрашивать их, стоящих в дверях, будут те заходить или нет, даже в голову не приходило.

Со временем с горечью пришло понимание, что если и интересен он теперь кому, то скорей чужим людям. Порой случались мимолетные знакомства то на улице, то в маршрутке — или в районной поликлинике. Как-то с пожилой веселой продавщицей овощного киоска он чуть ли не полчаса проболтал. О-о, о чем они только не гутарили: и о стремительно растущих ценах на продукты и лекарства, и о политике, и о проблемах с воспитанием внуков. Благо других покупателей в то утро у нее не было. Расстались как родные.

Раз в небольшом уютном скверике, что располагался недалеко от его дома и где он любил прогуливаться по вечерам, на лавочку к нему пристроилась шумная компания молодых ребят. Макарыч стал невольным свидетелем их жаркой дискуссии. И, конечно, не утерпел — на то он и Макарыч: встрял-таки в их горячий спор. И так сумел заинтриговать парней, что и выслушали его с неподдельным интересом и советам его вняли, а после очень тепло с ним распрощались — до сих пор вспоминать приятно.

А к своим придешь, начнешь что-нибудь рассказывать, и чувствуешь: не интересно им, из приличия только и слушают. Сын как-то раз в сердцах и высказал ему: что ты, мол, батя, все про работу да про работу свою трюндишь — сейчас другое время, кому это интересно. Вот так, как обухом по голове. А ведь он на этой самой работе половину жизни провел — не самой худшей, между прочим, — и горд этим! Как же не вспоминать. Его сверстники и заводы строили, и новые земли осваивали, ракеты в космос запускали, страной гордились! — да что там говорить... Чай не на олигарха с двойным гражданством пахали, как его сынуля теперь.

Между тем, сам Валентин и рад был бы послушать про их нынешнюю работу, да на его расспросы сын с невесткой чаще отделялись скупыми фразами — можно подумать, на секретном производстве работают, с горькой иронией отмечал про себя Макарыч. Просто не интересно им со стариком, и все тут. Время жалко на него тратить.

И теперь, готовясь к своим в гости, он заранее обдумывал, чем сумеет заинтересовать ребят. Нужно непременно им что-нибудь занятное порассказать: что повидал нового, интересного за это время; быть может, что-то любопытное успел прочитать — они ж газет и книг сейчас не читают! — у них компьютеры. В общем, чтоб не в тягость обернулся визит старика.

Поначалу, как похоронил супругу, звонил детям часто, как в те времена, когда жили далеко от них, в разных концах города, и виделись редко. Раз беседовал по телефону с сыном, и когда тот пожаловался отцу на жену, слегка вспылал, заступаясь за невестку и пытаясь с высоты прожитых лет втолковать сынку иной взгляд на их размолвку. Сыну это не понравилось, он и выпалил, что, дескать, от него, отца, «постоянно идет один негатив»! Конечно, ляпнул это, будучи в раздражении. Да только для Валентина больней всего отозвалось слово «постоянно». Что ж это получается: что он, зануда-папаша, только и знает, что достает сына своими наравоучениями — какая уж тут может быть радость от общения.

Для Макарыча откровение сына стало не просто неприятным открытием: было обидно до слез! Потому что, по правде сказать, назидательными беседами он никогда и не злоупотреблял — зачем? Сынок давно уже большой мальчик. А тот памятный разговор был редким исключением, и не он его затеял. Но Валентин, конечно, сделал надлежащий вывод и с той

поры звонить детям старался исключительно по делу и желательно раз-два в неделю, не чаще, помня о своем так называемом «негативе», — урок он усвоил хорошо. Да и то, когда звонил, сразу давал понять, что беспокоит по необходимости: что-то важное для себя прояснить, посоветоваться, а иногда и попросить помощи — и долго занимать их драгоценное время не собирается.

В то же время надо отметить, что сын с невесткой были очень внимательны к его здоровью. Приболев, Макарыч чаще всего обходился без визита в поликлинику: невестка, будучи врачом, сама делала ему назначение, регулярно справлялась по телефону о его самочувствии и интересовалась, не забывает ли свекор вовремя принимать нужные лекарства.

Вообще, когда Валентин Макарыч серьезно заболел, то, как это ни парадоксально, ощущал себя почти счастливым человеком! Его проводывали дети! Справлялись о его здоровье, приносили лекарства. Чего ж ему еще надо?! И тогда он всячески старался убедить себя, что все его страдания надуманные — и есть пустая старческая блажь. Только откуда тогда это щемящее чувство одиночества, постоянно точившее его изнутри и не дававшее покоя его уставшей душе?..

Давно не было рядом любимой Танюшки. А в прошлом году скоропостижно скончался дружок детства Колька. Переехав на новую квартиру, распрощался он и с бывшими соседями, с которыми они с Татьяной успели сдружиться за столько лет и к которым можно было преспокойно, в любое время залететь в гости — просто так, поворковать.

Всякий раз, бросив беглый взгляд на себя в зеркале, Макарыч в очередной раз с горечью убеждался: как же он постарел! Куда подевался его черный, курчавый казацкий чуб?.. А брови-то, брови... Торчат в разные стороны как метелки — длинные, пегие, выгоревшие. Под глазами мешки, щеки обвисли — тьфу, и смотреть не хочется! И поскорей отводил взгляд. А потом невольно думал о том, что, наверно, и им, молодым — сыну с невесткой — тоже, поди, «не в кайф», как любит выражаться молодежь, на его старую помятую физиономию любоваться. Так что нечего тут обижаться, всячески успокаивал он себя.

К тому же быстро сведущий по всем вопросам дружок его как-то «обрадовал» Макарыча новостью, что, оказывается, от них, стариков, по-особому, дескать, пахнет (правда, озвучил это более крепкими словцами), вот только сами они этого не чувствуют. Валентин пришел в ужас: неужели правда?! Получается, и физиономия неприглядная, и амбре — «мама не горюй», и беседы вечно затевает не в тему да невпопад — так какая ж тогда от него, старого перд...на, прости господи, отрада?!

Случалось, сживая в гостях, Валентин Макарыч на радостях и вопреки своей твердой установке позволял себе чересчур увлечься, по простоте душевной не замечая, что уж явно поднадоел хозяевам своей старческой болтовней. Тогда его мягко, деликатно обрывали. И понимать надо было так, что, по мнению детей, батя несет чепуху, слушать которую у них нет ни желания, ни времени. И испытывал почти физическую боль от этого.

Придя домой, ходил по комнате как неприкаянный, не зная, чем заняться, и усилием воли отгоняя тяжелые мысли, не позволявшие расслабиться и успокоиться. Иногда задавался вопросом, есть ли такая проблема во взаимоотношениях с детьми у сверстников, однако обсуждать с приятелями эту тему отчего-то стеснялся.

Как-то Макарыч узнал от внука, что благодаря интернету можно отыскать любой фильм и потом со всем удобством, во благе посмотреть его по телевизору. И родилось у старика страстное желание пересмотреть один из любимых своих фильмов «Сталкер» — его, кажется, так ни разу и не повторяли по телевиденью с давних пор. На просьбу деда внук сначала скривился, но узнав, что это увлекательнейшая фантастика, и клянувшись в конце концов, на восторженные похвалы деда, милостиво согласился.

Случилось это, кажется, во время зимних каникул. Договорились, что дед придет на следующий день к обеду, а к этому времени внук благополучно скачает ленту, и они вместе ее и посмотрят.

Уже с утра Валентин мысленно, в радостном предчувствии готовился к предстоящему событию. Посидеть рядышком перед экраном телевизора, бок обок с дорогим внуком, а потом не спеша обсудить, может быть, даже и поспорить — это тебе не хухры-мухры.

Обдумав, чего вкусенького с собой принести, чтоб уж отдыхать так отдыхать — со всем удовольствием, как говорится. Вышел из дома заранее, дабы не спеша затариться в «Пятерочке». Взял какое-то экзотическое печенье с кунжутом — продавщица с азартом нахваливала, — колбаску хорошую, сырку и баночку икры сазана — для бутербродов. Конфет брать не стал — невестка и так ругает сына, что тот лопает их горстями, диабет наедает... И снова дал волю мечтам.

К домофону подошел минута в минуту, как договаривались, в приятном волнении набрал нужный номер — тот долго-предолго трезвонил, — и наконец послышался слегка растерянный голос внука. «Слушай, дедуль, ну ты рано пришел! У меня тут Серега (это дружок его), мы делом занимаемся — приходи попозже, часа через два, или нет, лучше через три», — выпалил занятой внук, и Макарыч в ответ отчего-то растерянно пробормотал: «До свиданья». — «А почему “до свиданья”?..» — переложил груженую авоську в другую руку и отправился восвояси.

Он вдруг ощутил неизвестно откуда взявшуюся усталость и почувствовал, как сильней сторбилась больная спина. И еще он понял, что сегодня туда уже не вернется.

Зато Макарыч всегда с теплотой вспоминал, как в свое время им с Танюшей нынешнюю квартиру обустроивали сын с невесткой: весь ремонт на их плечах был. Они так старались: и сантехнику выбирали-заказывали, и подходящую мебель подыскивали. Живи и радуйся. А радости-то теперь и нет. Вот ведь как устроен человек: все равно ему чего-нибудь да не достает.

Тут недавно пригласил его к себе старый товарищ, бывший коллега, в гости на юбилей. Славно так посидели, молодость вспомнили, обо всем на свете переговорили. Ну и потом захотелось поделиться впечатлениями с сыном. Трижды принимался за рассказ — так сынуля, не дослушав, все время убегал в другие комнаты по каким-то своим делам — квартира-то у них ладная, большая. Просто не интересно ему было, и все тут. В результате Макарыч допил вкусный чай с мелиссой, заботливо приготовленный ему невесткой, и распрощался, к своему огорчению так и не досказав самого интересного и волнующего, из-за чего, собственно, и затевал этот разговор.

Порой его опутывала невыносимая тоска. Чувство одиночества захлестывало, мешало дышать, радоваться жизни. Ну отчего бы просто не позвонить отцу и не спросить: «Бать, ты как?..» А он бы ответил: «Хоро-

шо, сынок. А у тебя все нормально?» И был бы счастлив — много ль им, старикам, надо?

В последнее время он часто видит один и тот же сон. Будто ему надо обязательно попасть в одно место, в один дом, только он никак не может вспомнить, как туда добраться. Знает лишь, что сначала нужно на автобусе доехать до известного перекрестка, а затем повернуть направо. Он выходит из дома и долго не может сообразить, на каком транспорте ему ехать до этого перекрестка — и спросить не у кого. Тогда он садится наугад, а его автобус то проскакивает нужный перекресток, то сворачивает не туда, то вообще выруливает на какую-то мрачную, незнакомую улицу.

А то еще привозит его назад, на конечную. И от безысходности происходящего в душе поселяется отчаяние. Так ни разу и не удается добраться до необходимого места. И просыпается он всякий раз с неясным, тревожным, тяжёлым чувством.

Старик догадывается, что сон — предвестник чего-то важного, что, видимо, должно произойти в его жизни, но понять, расшифровать сие не может.

Как-то заглянул в ящик старого комода, где со времени переезда на новую квартиру так и лежали стопками потрепанные Танины тетрадки с кулинарными рецептами, старые письма вперемешку с открытками, перевязанные пожелтевшей резинкой, и фотоальбомы. Открыл один — с трепетом принялся листать и уже не мог оторваться. Вот их свадебный: ах, какие они тут с Танюшкой смешные, счастливые, юные... Вот детские фото сына... А вот и дембельский альбом...

Валентин с волнением переворачивал толстые листы старого альбома, вглядывался в лица товарищей, командиров и так растрогался, что захотелось хоть с кем-нибудь поделиться воспоминаниями. Над одной фотографией — да еще вспомнив ее предысторию — от души повеселился: там, в сержантских погонах и залихватски сдвинутой на затылок армейской фуражке, озорно глядел на Макарыча он сам. Макушка солдата упиралась в полог армейской палатки, так как он, гордо выпятив грудь, увешанную значками, лихо восседал на сидении из скрепленных рук двух своих товарищей, вытянувшихся во фронт по обе стороны от него. В руках Валентин держал гитару — вид у него был разудалый.

Невзначай вспомнил, как недавно внук, в этом году заканчивающий школу, высказался о предстоящей службе в армии: что, дескать, дорого б отдал, лишь бы только не быть призванным в эту дурацкую армию. Макарыч так и ахнул. А кто ж будет Родину защищать, дружок, — обратился он тогда к внуку. Профессиональная армия должна быть, а не ваша дедовщина, — отпарировал тут же внучок.

Они тогда долго спорили, только внук, похоже, остался при своем мнении.

Валентин вынул из альбома несколько фотографий и сунул их в сумку...

Застал он внука за суперважным занятием: развалившись в вертящемся кресле и держа в руках смартфон, тот удалял из него, как объяснил деду, старые, ненужные файлы.

А я тебе, внучок, свои армейские фотки принес, радостно сообщил дед, ты же их ни разу не видел. Вот и поглядим вместе: расскажу, чем жили, как служили, чему радовались. Я ж не всегда такой старый зануда был, лукаво ухмыльнулся дед.

Внук и головы не поднял, не желая отрываться от важного дела, однако сказал, что когда закончит с файлами, тогда и посмотрят. Макарыч в ожидании присел рядышком и покамест решил порасспрашивать внука о школе, о друзьях. Только разговор не клеился — видимо, мобильник требовал от внука мобилизации всех его душевных и физических сил.

И в очередной раз Макарыч ощутил себя лишним — здесь, в этой комнате, рядом с родным внуком. И пришел не вовремя, и разговор затеял не в тему. Тогда, чтоб не мешать, ушел на кухню, куда позвала его невестка. Угостился кофейком с вкусным домашним пирогом, не спеша по-калякали с ней о том, о сем. И засобирался домой.

А в голове неотвязно вертелся вопрос: спросит ли внучок про дедовы фотографии или нет, или они ему до лампочки? Может, забыл уже?

Внук, по обыкновению, вышел в коридор, чтоб проводить деда. Культурный... С телефонными делами, как понял Макарыч, он давно управился. В руках парень держал обернутые в целлофан блинчики с творогом, состряпанные невесткой для деда. Сама она по-прежнему кружилась у плиты, не имея возможности отлучиться, и внук держал сверток наготове, пока дед готовил сумку.

Это последний шанс, осознал Валентин, чтобы напомнить внуку о фотографиях. Расстегнув молнию, он широко, на всю, распахнул сумку, якобы готовя место для блинцов, и ухватив лежавшие там кучкой фотографии, демонстративно вынул их, ну чтоб якобы переложить в другое место. Внук просто не мог их не увидеть, не мог! «Дедуль, а фотки-то мы не посмотрели!» — надеялся услышать Валентин Макарыч. Так ждал, что аж сердце сильнее забилося.

Но внук промолчал. Дед запихнул в сумку пакет с блинами, сунул обратно фотки, суетливо, задрожавшими отчего-то пальцами застегнул молнию; внук, по обыкновению, чмокнул деда в щеку, и они распрощались.

Он плохо помнит, как добрал домой, как снял в прихожей куртку, скинул туфли и, сгорбившись, опустился на маленький смешной пуфик, смастеренный им когда-то еще на даче, уткнул лицо в шершавые ладони и заплакал.

Как-то, сидя у телевизора и слушая очередного безголосого, зато необычайно шустрого певца — тот носился по сцене, будто с батарейкой «дюраселл» в одном месте, и дергался, словно в конвульсиях, — Валентин Макарыч размышлял: песни в нынешние времена пошли какие-то бессодержательные, бездушные, не то что во времена его молодости. Сам-то он петь любил, и голосом обладал красивым, бархатным — хохлячьи гены, ничего не попишешь. Сколько помнил, пели знатно и родители его, и деды, а праздничные застолья в былые времена были немыслимы без хорошей песни.

Сказать по правде, Макарыч все время чего-нибудь напевал — вслух или про себя, — особенно когда приходилось заниматься нудной работой. Песня скрашивала процесс и поднимала настроение. Воистину, «нам песня строить и жить помогает!..», как пелось в свое время. Шагая по улице, старик по обыкновению мурлыкал себе под нос что-либо незамысловатое — и время бежало веселей, и мир вокруг расцветивался веселыми красками, и даже назойливая боль в коленках и спине стихала.

Романсы, народные, а чаще всего песни из старых советских фильмов — он все любил. Ах, какие песни были тогда! Нынче же в комнате у

его деток стоят большущие черные колонки, и оттуда чаще всего несется вовсю мочь «ту-ду-ду! ту-ду-ду! ту-ду-ду!», что аж стены в доме содрогаются! Макарыч не понимал, какое вообще отношение это жуткое грохотанье имеет к музыке.

Он частенько с нежностью вспоминал свою любимую бабушку и то, как та с улыбкой рассказывала ему, как он, Валюшка, уже с малых лет удивлял окружающих своим певческим дарованием. Например, когда он за ручку с бабулей приходил в сельский продуктовый магазин — а Макарычу было тогда годика три или четыре, — женщины, стоящие в очереди, оживленно приветствовали его: «О-о-о, Валюнчик наш пришел! Ну, давай, исполни нам свою любимую». Тетеньки расступались, образуя круг, в центр которого ставили Вальку. А мальчонка, уперев ладошки в бока и изобразив важность момента на курносом личике, с чувством, лихо чеканя каждое слово, запевал:

На гланице туци ходят хмуло,
Клай суловый тисыной обят...

И не мог понять, отчего тетки, деликатно прикрывая ладошкой рот, сдерживали смех: ведь какая серьезная песня! И он так старается! И продолжал вдохновенно выводить своим звонким, детским голоском:

Тли танкиста, тли веселых длуга,
Экипас масыны боевооий!

Публика приходила в восторг, радостно хлопала в ладоши, а пацаненку совали в ручки конфеты, пряники — солист же с серьезным видом раскланивался.

Раз, находясь в гостях у ребят и откушав, вызвался помыть посуду — отработать обед, так сказать, как сам, шутя, выразился. Повязал невесткин фартук и, повинувшись праздничному настрою, затянул тихонько вполголоса: «Лейся, песня, на просторе, не скучай, не плачь, жена...» Так внук, забежав за чем-то на кухню, не удержался, скривился и заявил: «Ну, дед, ну хватит уже, надоел со своей нудятиной».

Дед и заткнулся. И больше никогда — ни при внуке, ни при сыне с невесткой — сольных концертов не заводил.

Иной раз, проснувшись рано, Макарыч не торопился подниматься с постели, а позволял себе понежиться, помечтать о чем-нибудь приятном. Бывало, принимался мысленно разговаривать то с сыном, то с внуком, делился переживаниями. Разъяснял, убеждал, порой горячо спорил. И такие минуты, как ни странно, служили своего рода утешением в замкнутом круге его одиночества, из которого, казалось, не было выхода.

Но вот есть же по-настоящему одинокие люди, размышлял он иногда про себя, — в доме престарелых, например, бомжи опять же... Одиноких стариков — забытых, покинутых близкими — ни с кем не спутаешь, если встретишь на улице. Взгляд — какой-то отчужденный, сиротский, направленный в себя. Одеты плохо, по-старчески неопрятно, а одежда порой настолько изношена, что кажется, ей уж целый век. Даже походка у них особенная — так «ходит» одиночество, как определил для себя Макарыч. Жалкие и трогательно беззащитные. И лекарство им никто не принесет, и с праздником не поздравит. А у него самого ведь все есть!.. — чего ему еще надо, корил он себя тогда.

Ехали как-то с внуком к родственнице в переполненной маршрутке. Сели на неожиданно освободившиеся места у окошек — друг за дружкой. Потом пассажирский поток рассосался, и рядом с Макарычем освободилось место, он и толкает радостно внука в спину: пересаживайся, мол, ко мне — ехать долго еще. Так внук мотнул головой: нет, мол, не пойдю, мне и тут хорошо. Потому что скучно ему с дедом — интересней в окошко пялиться.

Вчера звонила жена приятеля, с которым они еще в армии вместе служили. Болел тот в последнее время сильно. Макарыч навещался к нему не так давно. Так вот, помер дружок. Завтра похороны. Жена плачет...

Сколько их осталось, друзей-то, — уж почти никого и не осталось. Поколение, рожденное после войны. Так хотя бы им нужен был. Правда, в последнее время все больше по мобильнику общались, да развеселые «вацапки», как он, шутя, нарек ролики по «вацапу», друг дружке для поднятия духа слали.

Вот по молодости и внимания не обращал, а сейчас стал замечать: улыбнется ему на улице чужой человек, и сразу на душе теплеет. словно бы чужая улыбка или доброе слово щепку в тлеющий костерок его стариковских чувств подбрасывают.

Теперь он невольно подмечал и фиксировал для себя каждый добрый взгляд, каждую улыбку. Благодаря таким, казалось бы, пустякам порой формировалось хорошее настроение на весь день.

Иной раз, когда кто-либо из друзей жаловался на супругу — у того на праздничный обед умудрилась любимую «селедку под шубой» пересолить (воистину мировая трагедия!), у другого, «зараза этакая», постирала мужнины брюки с значкой в заднем кармане, пятитысячной(!) купюрой; иной громко стенал (правда, фальшиво, потому что через стенанье так и выпирало бахвальство перед товарищами), что ему, несчастному, к 23-му февраля женушка додумалась подарить дорогушце! билеты на премьерную «Сильфиду», а он будто бы балет на дух не переносит! — у Макарыча сжималось сердце. А вот он не обиделся бы ни на испорченную купюру, ни на пересоленный салат — сам бы с радостью сварганил, — и рад был бы даже на оперу пойти, не то что на балет, лишь бы Танюша его была рядом. Не разумеют, дурачки, своего счастья.

На праздники его звали редко. Поздравляли по телефону. Вообще-то про былые шумные семейные застолья давно пора забыть — не те времена.

Порой он чувствовал себя убогим, жалким и ненужным, так что иногда хотелось завить от одиночества.

Раз купил к грядущему празднику большущий дорогой торт, сварганил свой, фирменный, так сказать, салатик, запасся готовой пиццей, которую внук с невесткой обожают, и прикупил бутылочку хорошего вина.

Прибрался в квартире. И позвонил.

Только оказалось, что план праздничных мероприятий у деток уже расписан, но все же они пообещали выбраться к нему в гости. Невестка, медик по образованию, осторожно поинтересовалась, сколько дней тарту и салату, — не просрочены ли? — у нее к этому вопросу был строгий подход.

Пришли сын с внуком. Правда, гостили недолго — торопились куда-то. Но салата и торта съели много, наперебой нахвалявая, чем искренне порадовали старика.

Давненько Макарыч не был так весел, и после их ухода, набрав нужный номер, долго, вздохнув делился радостью с другом, потом с удовольствием смотрел телевизор и уснул счастливый.

Но такие блаженные денечки были до обидного редки.

Вообще-то ему не требовалось заглядывать в календарь, чтобы не пропустить родительские субботы. Жена неизменно являлась ему во сне дня за два-три до этих поминальных дат. Чаще всего он заказывал молебен или сорокоуст в монастырском храме, твердо веря, что молитвы монахинь и монастырского батюшки самые искренние и скорее доходят до Господа. И по возможности проводывал почивших родителей и жену на кладбище.

...А ночью вновь видел во сне свою Татьяну. И опять этот бесконечный сон, в котором он никак не может отыскать нужный ему дом. А вот что там, зачем ему туда — загадка.

Раннее утро. Из форточки тянет свежестью и прохладой. Со двора разезжаются припаркованные у подъездов авто: громко хлопают дверцы, противно пищат сигналки. В соседской квартире долго и усердно, будто по обязанности, тявкает собачонка; с улицы доносится громкий, капризный плач ребенка и голосок мамы, успокаивающей малыша.

Снова, в который раз, пугающая, нестерпимая боль пронзает мятущееся сердце. И только теперь, когда кажется, что оно вот-вот вырвется из груди, к нему — наконец-то — приходит понимание, что *там* — ждет его *Татьяна!*

Давно ждет. А он вот подзадержался на этом свете: грезит еще, чудак, о чем-то несбыточном, суетится, мечется. А чего еще ждать от этой жизни? Не нужен ты уже здесь, вышло твое время — разве не понятно? И старческие очи твои давно печальны. И редкие эсэмэски от друзей уже не спасают. Пора, видно, ему *туда*, пора...

Боль вновь коварной змеей впиалась в грудь, безжалостно раздирая измаявшуюся душу.

...Утром прибежал внук с большим пакетом для деда, который собрал ему мать. В нем была освященная в храме пасочка, крашеные яйца, пластиковая коробочка с аккуратно уложенными в ней кусочками запеченной в кляре рыбы, которую так любил Макарыч.

Внук позвонил несколько раз. За дверью было тихо. Парень начал сердиться — он опаздывал в школу. Ну дедуля, дрыхнет, как медведь в берлоге, не разудишь, вот же счастливчик, — невольно позавидовал внук. А тут в школу переться — хорошо, контрольную по химии отменили, хоть в чем-то везуха. Да что ж он не открывает — может, ушел куда-то... В такую-то рань? Мобильник тоже не отвечал. Он позвонил матери, которая была еще дома. Та забеспокоилась и сказала, чтоб сын никуда не уходил, она сейчас подойдет.

Макарыч лежал на кровати, свесив к полу худую, морщинистую, с вздувшимися венами руку. Глаза его неподвижно глядели в потолок. На лице еле уловимо отражалась то ли гримаса немого удивления, то ли легкая улыбка...